

ИСЛАМ И МОДЕРНОСТЬ: ВСЕМИРНЫЕ, РОССИЙСКИЕ И СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)

С.А. Айларова

Проблема статьи лежит в русле изучения взаимодействия между культурой европейского Модерна и конфессиональными традициями горских народов и их осмысления в северокавказской общественной мысли. Автор сосредоточил свое внимание на российских и северокавказских проявлениях такого мирового историко-культурного движения, как исламский модернизм XIX-XX вв. В пространстве этого дискурса мусульманская интеллигенция Северного Кавказа начала XX в. смогла вступить в равноправный диалог с интеллектуальным сообществом Европы и России и сформулировать свое видение будущего народов региона. Особенно ярко модернистские тенденции проявились в образовании (джадидизм) и печати. Журнал «Мусульманин» (издатель адыгский просветитель М.-Б. Хаджетлаше), газеты «Заря Дагестана» и «Мусульманская газета» (издатель дагестанский просветитель С. Габиев) вели активную популяризацию джадидистской просветительской программы, распространение модернистских идей, воспитание в недрах мусульманского социума России новых адептов обновления и реформации ислама. В книге С. Габиева «Арабы, Ислам и арабо-мусульманская культура» автор знакомит российского читателя с мусульманской историей и культурой, развенчивает негативные стереотипы об исламе, укоренившиеся в общественном сознании. А. Цаликов, осетинский писатель, публицист, политический деятель, один из руководителей движения российских мусульман, и своими интеллектуальными штудиями, и деятельностью политика искал симбиоз культуры Запада и Востока, осмысливая возрождение мусульманских народов через вершинное проявление политической мысли Европы – марксизм. Стремление северокавказской интеллигенции выстроить диалог между исламом и современностью есть часть интеллектуальной истории мусульманских народов в XX в.

Ключевые слова: исламский модернизм, джадидизм, религиозная реформация, мусульманская печать, М.-Б. Хаджетлаше, С. Габиев, А. Цаликов.

Для цитирования: Айларова С.А. Ислам и модернизм: всемирные, российские и северокавказские проявления (конец XIX – начало XX века) // Известия СОИГСИ. 2024. Вып. 53 (92). С.26-42. DOI: 10.46698/VNC.2024.92.53.013

Исследование модернизационных процессов в обществах и культурах народов Северного Кавказа XIX– начала XX века является перспективным направлением современного кавказоведения. В рамках этого направления интерес представляет видение взаимодей-

ствия между культурой европейского Модерна и духовно-конфессиональными традициями и практиками горских народов, и их осмысление в северокавказской общественной мысли. Интеллигенция горских обществ осознавали необходимость для развития народов

региона восприятия достижений передовых стран и обществ во всех сферах горской жизни, но понимали это не как процесс копирования культурных образцов современности, а как поиск собственных духовных оснований модернизации в культурном достоянии прошлого, в конфессиональной идентичности горских народов.

Автор данной статьи уже обращался к проблеме поиска интеллигенцией Северного Кавказа духовно-культурных оснований модернизации в феноменах христианской истории региона, в мифологических образах кавказской древности (см.: [1; 2]). Теперь речь пойдет о таком мировом историко-культурном явлении XIX–XX вв., как «Ислам и модерность» и его российских и северокавказских проявлениях. В пространстве этого дискурса мусульманская интеллигенция Северного Кавказа смогла вступить в равноправный диалог с интеллектуальным сообществом Европы и России и сформулировать свое видение будущего народов региона.

Исламский модернизм – масштабное реформаторское движение, возникшее в конце XIX в. в мусульманских обществах на огромных пространствах – от Империи Османов до Британской Индии, Центральной Азии, Поволжья и Кавказа. Новое интеллектуальное движение, направленное на адаптацию исламского мира к современности, возникло в противостоянии ключевому явлению Нового времени – колониализму. Стремление освободиться от колониальных завоевателей, преодолеть экономическую и культурную отсталость во имя процветания мусульманского мира подтолкнуло исламских интеллектуалов сделать первые шаги на пути реформации тысячелетней рели-

гиозной традиции. Интеллектуальный поиск реформаторов был направлен на легитимизацию нововведений внутри мусульманской традиции. В основе всех проектов лежали идеи о необходимости избавления от вредных, «отсталых» практик из жизни мусульман, «очищение» истинного значения текстов Корана и Сунны от исторических искажений первоначальных смыслов, восстановление былого процветания и силы мусульманских обществ. Исламский мир должен бросить вызов передовой Европе, в то же время избирательно заимствуя из европейских достижений в науке, общественной и политической жизни. Главной целью исламского модернизма было присутствие мусульманской культуры в мире Модерна на равных правах с европейской [3; 4].

У истоков исламского модернизма стояли крупнейшие мусульманские мыслители Нового времени – афганец Джемаль ад-Дин аль-Афгани (1839–1897) и египтянин Мухаммад Абдо (1849–1955). Основоположник идеологии панисламизма и мусульманского социализма аль-Афгани считал, что ислам сможет выполнить антиколониальную миссию лишь при условии обновления и приспособления к глобальной трансформации современных обществ. Это означало обязательное развитие национального светского образования, науки, промышленности. Базовой идеей концепции аль-Афгани была мысль о том, что основные принципы ислама не противоречат разуму и науке, более того, находятся с ними в союзе и гармонии. Возврат к практике прямого толкования (иджтихад) Корана и Сунны через контекстуальное рассмотрение содержания рассматривался как важный просвещенческий шаг. Потенциал

качественных интерпретаций, содержащийся в исламе, позволяет ему, как и в Средние века, отвечать вызовам истории и Нового времени [5]. Его соратник Мухаммад Абдо, выдающийся богослов и общественный деятель-реформатор, предложил целый ряд оригинальных преобразований в политической и культурной жизни Египта: от проектов внедрения принципов парламентаризма и конституционализма для обновления мусульманского сообщества до реформирования возглавляемого им старейшего мусульманского университета Аль-Азхар, модернизацию его структуры и образовательных программ. Как муфтий, руководитель египетской мусульманской уммы, Абдо издал ряд фетв, свидетельствующих о трансформации общества – отмену некоторых ограничений в пище, возможность пользоваться банковскими услугами и оказывать их, разрешение носить европейское платье, заниматься живописью и скульптурой [6].

Идеи и деятельность Джемаль аль-Афгани и Мухаммада Абдо сформировали в начале XX в. блестящую плеяду мусульманских мыслителей и просветителей модернистского направления в разных странах: здесь сирийцы Абд ар-Рахман аль-Кавакиби, Сайид Мухаммад Рашид Рида, египтянин Мустафа Кямиль, афганец Махмудбек Тарзи, индиец Сайид Ахмад-хан, индонезиец Мухаммад Тахир и др. Вся их деятельность – яркий пример модернистской реформации ислама, стремления синтезировать достижения Европы (Запада) и культурного наследия мусульманских народов, создать новую, реформированную религию, истолковать Коран в духе рационализма и приспособления к новейшим достижениям

науки. Политические концепции, выдвинутые мусульманскими реформаторами в ходе антиколониальной борьбы, представляли широкий спектр доктрин – от панисламизма и панарабизма до представлений о национальной независимости, синтезировали европейские понятия о нации и традиционные взгляды на мусульманскую общину (умму). Общественные реформы включали восприятие европейского образования, развитие печати, гендерные преобразования [7].

В Российской империи конца XIX – начала XX в. самым ярким проявлением исламского модернизма был джадидизм – реформаторское движение за обновление мусульманской школы путем внедрения новых методов обучения и преподавания светских наук. Хотя умственное движение исламского (или мусульманского) модернизма шире, чем просто образовательная реформа, но всех российских мусульманских интеллигентов-модернистов стали называть джадидами. У истоков джадидского движения стоял выдающийся крымскотатарский публицист и просветитель Исмаил-бей Гаспринский (Гаспралы) (1851–1914). Борьбу за современное развитие мусульманских народов Российской империи он предлагал начать с реформы образования и становления мусульманской печати. Сам он стал издателем первой газеты для российских мусульман – «Терджиман» («Переводчик») (издавалась с 1883 по 1918 г.). Деятельность И. Гаспринского знаменательна не только борьбой за национально-религиозные права российских мусульман, но и лидерством в налаживании межконфессионального диалога и сотрудничества ислама и православия [8]. Гаспринский видел Россию

уникальной «русско-мусульманской» цивилизацией. Уверенный в грядущем расцвете этой цивилизации, он писал: «Я не пожертвовал бы ни одной капли чернил для этих заметок, если бы одну минуту сомневался в блестящем будущем моего отечества. Я верую, что рано или поздно русское мусульманство, воспитанное Россией, встанет во главе умственного развития и цивилизации остального мусульманства. Цивилизация, родившись на крайнем востоке и постепенно продвигаясь на запад, ныне, кажется, начала обратное движение на восток и на пути ее русские и русские мусульмане, мне кажется, предназначены быть лучшими ее проводниками» [9, 342]. Именно в братстве российских мусульман и христиан он видел перспективу будущего процветания России и настаивал на том, что в будущем Россия станет великим мусульманским государством, что несколько не уменьшит ее роли и значения как великой христианской державы [10, 90].

Таким образом, исламский модернизм появляется в России практически одновременно с другими регионами мусульманского мира. Процессы модернизации, которыми в конце XIX в. была охвачена вся Россия, влияние обновленческих явлений на мусульманском Востоке способствовали зарождению общезначимого модернистского движения мусульман России [11]. Большое влияние на него оказали панисламизм и пантюркизм, поскольку большая часть передовой интеллигенции были представителями тюркских народов России. Стремление к возрождению ислама на модернистской основе породило целую когорту деятелей джадидизма в Поволжье, Закавказье, Средней Азии. Благодаря их деятельности здесь появляется

сеть новометодных школ, печать, светская литература, театр.

Среди модернистов выделяется ряд блестящих татарских публицистов, просветителей, богословов, выступавших в российской печати и писавших на русском языке. Оспаривая стереотипы об исламе, сложившиеся в миссионерской, научной и публичной сферах, европейски ориентированные публицисты А. Девлет-Кильдеев, Мурза Алим, А. Баязитов, Искандер-Мурза и др. на страницах массовой печати развернули широкую дискуссию о проблемах возрождения мусульманских обществ и их отношении к христианскому окружению. Как предчувствие грядущей новой эпохи звучали слова Мурзы Алима: «Не подлежит сомнению, что на Востоке существует в настоящее время большое религиозное движение в смысле преобразования старых понятий магометан на ислам и согласования их с данными современной науки и более верным пониманием смысла Корана, священной книги мусульман... Мы стоим накануне великой религиозной реформации в мусульманском мире, которая окажет на дальнейшее развитие мусульман то самое влияние, которое имела реформация Лютера на старый католический мир, и эта реформация неминуемо возродит к новой жизни и деятельности временно усыпленное мусульманство» [12, 122].

Интересна полемика, развернувшаяся в связи с выходом в России брошюры французского ученого Эрнеста Ренана «Ислам и наука» (1883). В этой брошюре была опубликована речь Ренана из его выступления в Сорбонне на собрании Научной французской ассоциации, где он сформулировал свои известные тезисы о враждебности ислама

науке, экономическому развитию, свободной мысли и просвещению. «Ложный» духовный фундамент обрекает мусульманский мир на интеллектуальную ограниченность, фанатизм, неоправданное высокомерие его адептов и ведет исламские общества к кризису и неизбежному краху в условиях быстрого прогрессивного развития Европы [13].

Речь Э. Ренана была воспринята как вызов всему мусульманскому миру. В России на нее ответили десятки публицистов. Доказывалось, что наука – не есть что-то, присущее только развитию Европы, что и мусульманская история знает великий культурный и научный взлет. Европеизм «есть, в сущности, не что иное, как рационализм в области науки и религии, доступный всем». Он, «как животворный элемент всякого умственного прогресса, присущ также исламу...» [12, 125]. Отвечая российским сторонникам исламофоба Ренана, один из авторов, Искяндер-Мурза писал, что «основные истины ислама, как-то: существование единого Бога, пророческие качества Магомета, бессмертие души, личная ответственность перед Богом каждого мусульманина за свои действия, без посредников и без догмата наследственности прародительского греха Адама и т.д. – не боятся ни света науки, ни прогресса человеческой мысли» [12, 125].

Наибольший резонанс в этой своеобразной дискуссии среди российского интеллектуального сообщества имели статьи и книги Атауллы Баязитова, известного богослова, ахунда Санкт-Петербургской соборной мечети. Это следующие его работы: «Возражение на речь Эрнеста Ренана «Ислам и наука» (1883), «Отношение ислама к науке и к

иноверцам» (1887), «Ислам и прогресс» (1898). Являясь удивительным примером раскрепощенной мусульманской интеллектуальной мысли, эти книги в систематическом виде представили взгляд ислама на основополагающие идеи разума, свободы, просвещения, толерантного общения религий [14]. Утверждая, что «ислам есть положительное и точное, определенное учение», Баязитов указывал на рациональное начало всех теологических проблем в исламе – ибо разум и «есть свет от света Божьего» [15, 5]. Ислам «стоит близко ко всему разумному, гуманному, к науке и познанию» (он «не заглушает науку, а споспешествует ее развитию») [15, 5]. Необходимо лишь восстановить изначальные принципы свободы мысли раннего ислама, включавших иджтихад. Насущная задача современности – «очистить учение Ислама от плевел, примешанных к нему позднейшими невеждами» [16, 7].

Отвечая на обвинения в фанатизме, присущем якобы «только одному магометанству», А. Баязитов указывает на это свойство невежества как «присущее всему человечеству в известной исторической стадии». «Европейский мир в течение целых 12 веков... ровно ничего не сделал в пользу науки и просвещения, напротив того, оказал сильное гонение и нетерпимость ко всякому свободному мышлению и умственному развитию»; в то время как «в продолжение целых 6-7 веков во время царствования мусульманских халифов ислам был центром умственного движения, что и было арабами передано латинскому западу» [14, 86]. И надо отметить, ислам «не создал инквизиции, не зажег костров для мучения людей, не подчинившихся его учению» [14, 87].

У арабо-исламской цивилизации были великие достижения, когда «вся наука Греции перешла в Аравию». Но в преддверии Нового времени мусульмане занялись лишь соблюдением внешних обрядов, «а самый дух Ислама ускользнул от их взора» [16, 27].

Но если инициатива научного прогресса оказалась в современном мире у европейцев, то что мешает мусульманам поучиться у христианских народов. Ведь ислам и христианство как религии одного авраамического корня едины по «духу и смыслу», у них общие духовно-культурные ценности, надо лишь обрести волю преодолеть эту отчужденность: «Церковь рядом стоит с мечетью в селениях и городах; каждая из них зовет к тому же Всевышнему» [14, 89]. «Итак, мы видим по учению Ислама, что для правильной жизни земной и небесного блаженства нет различия ни в нации, ни в религии. Всевышний наделил всех своими благами; и милосердия Господа хватит для каждого» [16, 7].

Движение либеральной национальной интеллигенции, провозгласившей своей целью всестороннюю и радикальную модернизацию исламского общества в культуре, политике, системе образования наиболее ярко проявилось в реформировании существующей государственной (светской) и секуляризации традиционной (конфессиональной) систем «инородческого» образования. В основу проекта реформы конфессиональной школы, имевшей наибольшее распространение в мусульманских регионах империи, была положена идея замены схоластического «старого метода» обучения на «новый метод» (джадиди), предусматривающий «фонетизацию» чтения в процессе обучения и введение в учебный

план общеобразовательных предметов арифметики, географии, истории, родного и русского языков. Обязательное и широкое внедрение родного языка в школьный образовательно-воспитательный процесс являлось принципиальным программным требованием в системе общественно-педагогических взглядов И. Гаспринского, стоявшего у истоков педагогической реформы. Система «новометодного» образования приобрела на рубеже XIX–XX вв. много численных сторонников в различных регионах Российской империи (Крым, Поволжье, Средняя Азия), где открылись сотни джадидистских учебных заведений, применявших «новый метод» обучения.

Процессы обновления, прогрессивные тенденции и веяния в сфере культуры и образования в духе джадидизма затронули и коренное мусульманское население Северного Кавказа, хотя здесь эти образовательные процессы не имели такого масштаба, как в Поволжье. Большое влияние идеи джадидизма имели на становление кумыкской новометодной школы и деятельность кумыкского просветителя Н. Батырмурзаева. Немало приверженцев реформаторского течения джадидизма было среди деятелей адыгской культуры. Убежденным сторонником перестройки системы конфессионального образования был адыгский просветитель С. Сиюхов. Определенный вклад в становление обновленной национальной школы внесла группа подвижников просвещения во главе с учителем И. Хидзетлем. Ведущая роль в кружке принадлежала выпускникам Каирского и Османского университетов, интеллигентам, осведомленным о последних достижениях исламской модернист-

ской мысли, прогрессивных идеях и умонастроениях в мусульманском мире рубежа XIX–XX вв. и искренне ими увлеченных [18].

Издававшийся в Париже с 1908 г. «кружком интеллигентных черкесов» журнал «Мусульманин» под редакцией адыгского просветителя Магомет-Бека Хаджетлаше вел активную пропаганду и популяризацию джадидистской просветительской программы, идей новометодного образования [18]. Русскоязычная мусульманская пресса сыграла большую роль в распространении модернистских идей, воспитании в недрах мусульманского социума России новых адептов обновления и реформации ислама. М.-Б. Хаджетлаше, помимо «Мусульманина», открыл также «Мусульманский отдел» в журнале «Братская помощь» и газете «Новая Русь». С закрытием этих отделов просветитель выступил также издателем петербургской газеты «В мире мусульманства». Соиздателем Хаджетлаше стал осетин Аслан-Гирей Датиев, давний его соратник по общественной и политической деятельности [18, 17]. Все эти издания декларировались как «беспартийные органы», не ставящие перед собой «каких-либо политических целей» и преследующие «исключительно культурно-просветительские задачи: послужить своим братьям, внося в их сознание свет науки, искусства и жажду технических знаний» [18,16].

Руководствуясь идеологией русской интеллигенции, сознающей свой долг обездоленному народу, Хаджетлаше требовал такой же нравственной позиции и от мусульманской интеллигенции, призывая ее сплотиться и помочь российским мусульманам выйти на «широкий путь прогресса». Посильное

дело печати – стремиться «освещать те неясные стороны мусульманской жизни, которые тормозят и мешают истинному пониманию нужд и желаний народностей, исповедующих ислам» [18, 17].

Главная идея всех изданий Хаджетлаше, ставшая такой, по его мнению, современной, – идея Корана о всеобщем братстве мусульман, их братском общении с христианами. Идея солидарности мусульманских народов России, искоренение всех раздоров и разногласий внутри их обществ дополнялась идеей единения и дружбы мусульман с Россией, верного служения ее государственным интересам, которые в то же время и интересы мусульман и которые они должны защищать наравне с другими народами.

«Раньше всего необходимо установить раз и навсегда, – писал Хаджетлаше, – что мы, русские мусульмане, стремимся к мирным задачам и считаем Россию нашей родиной, что, питая к ней самую горячую любовь, мы хотим лишь культурного единения с русским народом, с которым нас связывает решительно все. Его горе – наше горе, его счастье – наше счастье» [19, 278].

В тоже время мусульманские народы, считавшие себя верноподданными России, ждали от государства внимания к своим нуждам и чаяниям, экономической и социальной поддержки в нелегкий период рыночной перестройки всего уклада традиционной жизни, помощи в их стремлении к культурному прогрессу. «Раскинутые по всей огромной империи в количестве более двадцати миллионов, писал издатель в редакционной статье, – мусульмане наравне с другими гражданами несут все тяготы государственной и обществен-

ной жизни и вправе поэтому ожидать к себе должного внимания» [18, 21].

Идею братского единения и согласия исламские народы готовы предложить одержимой классовой идеологией и культом гражданских конфликтов европейской интеллигенции. «Проповедь любви и братства может пониматься, – писал Аслан-Гирей Датиев, – как тормоз лишь тем, кто великий, необъятный Божий мир сузил до той арены, где на самом деле нет ничего другого, кроме классовых противоречий и классовой борьбы, кто снизошел до того, что мировая жизнь народов понимается им не иначе, как маленький курятник, где в роли хитрой лисы безнаказанно господствует всепожирающий капитал... сбросьте эту мантию и только тогда идите в молящийся мусульманский мир навстречу его возвышенным требованиям. Идите, но не с “Капиталом” Маркса, а, прежде всего, с Кораном и шариатом, не с партийными лозунгами, а с общечеловеческими идеями» [18, 29].

В центре внимания изданий адыгского просветителя – проблемы современного истолкования многих положений традиционной религии мусульман, роли его служителей, духовенства в общественной жизни простых верующих. Дискуссии касались как сути мусульманской религии, так и толкования отдельных положений шариата, пространства его регламентации. Так, многие публицисты настаивали, что в современных условиях шариат должен определять лишь нормы частной жизни, не вмешиваясь в государственные дела. Особые надежды в деле обновления жизни мусульманских обществ возлагались на новую генерацию священнослужителей – «настоящих про-

свещенных и образованных служителей веры». «Наш прогресс, наше возрождение всецело находятся в руках духовенства. Захочет оно понять необходимость света, прогресса и культуры – и мы быстро выйдем на дорогу обновленной жизни, нет – и песня наша спета, и мрак будет царить еще много лет» [20, 274]. Таких просвещенных мулл еще надо было воспитать, и здесь главную работу должны были проделать мусульманская интеллигенция и передовая печать. Вместе эти лидеры народных масс обеспечат глубокую трансформацию традиционного уклада жизни: «Обязанность нашего просвещенного духовенства – прийти на помощь лучшим представителям мусульманства и сообщая стремиться вывести наши народы и племена на путь действительного прогресса» [20, 275].

В споре с европейскими толкователями ислама, высказывавшими сомнение в способности мусульманской религии отвечать на вызовы современности, воспринимать действительные достижения европейской культуры, и стремлении избавиться от консерватизма и «агрессивного» неприятия всего немусульманского Хаджетлаше высказывал свою глубокую уверенность в блестящем культурном будущем исламского мира, его способности на равных соперничать с Европой. «Не беспокойтесь... относительно ислама. Он никому не угрожает, но что совершенно верно – это то, что мы в ближайшем времени не уступим вам ни в литературе, ни в искусстве, ни в науке вообще, по крайней мере, в таком виде, как они имеются сейчас и как воспринимают их современные европейцы» [21, 291].

К сожалению, мусульманские издания М.-Б. Хаджетлаше просуществова-

ли недолго, всего три года (1908–1911), но оставили большой след в истории общественного самосознания исламского социума России. Эти печатные органы отстаивали гражданские и культурные интересы мусульман, их самоутверждение среди народов России, пропагандировали идеи обновления мусульманских обществ. С 1912 г. в Санкт-Петербурге начинают издаваться новые мусульманские печатные органы: газеты «Заря Дагестана» и «Мусульманская газета». Их издатель-редактор дагестанский просветитель и публицист Саид Ибрагимович Габиев продолжил модернистскую линию в общественно-культурной жизни мусульман России, посвятив свои издания важным проблемам существования народов ислама, прежде всего кавказских горцев, перспективам их развития в составе Российского государства.

Издания С.И. Габиева также были обращены к кавказской интеллигенции, одержимой идеями обновления горской жизни, к тем, кого влекла на путь прогресса «привязанность к родной народной массе» и «веяние общественной мысли Запада и передовой русской интеллигенции». Эта мыслящая часть мусульманских обществ «хотела примирить два начала: схоластику и теократическое понимание вещей своих братьев по вере со стремительностью мысли и только научным пониманием всего мирового у русских и западноевропейских передовых интеллигентов» [22, 256]. Газеты Габиева предоставляли площадку для работы свободной исламской мысли, стремящейся к согласованию мусульманской культуры со светской культурой Европы и России. «Само время поставило задачу: либо принять целиком культуру Запада, либо возродить

и продолжить свою чисто исламскую культуру. Если же ни то, ни другое невозможно иметь в чистом виде, создать новую, претворив в теократизме ислама европейский рационализм» [22, 256].

Однако и эти демократические издания, знакомившие российского читателя с культурно-конфессиональными традициями горцев, затрагивавшие самые острые проблемы общественной жизни и административного управления на Северном Кавказе, также просуществовали недолго и в 1914 г. были закрыты. Но Габиев искал и другие формы воздействия на общественное сознание, и в 1915 г. выходит его книга «Арабы, Ислам и арабо-мусульманская культура» [23]. Здесь просветитель ставит перед собой задачу ознакомления российского читателя-христианина с мусульманской историей и культурой, преодоления предрассудков, предубеждений и негативных евроцентристских стереотипов об исламе, обильно представленных в общественном сознании России. Убежденность автора в успехе диалога основывалась на наличии «общего» духовного фундамента – все его российские сограждане являются наследниками единой монотеистической традиции, разных ее форм. «Я хотел бы только одного, чтобы как христиане, иудеи, так и мусульмане не считали себя какими-то непримиримо враждебными союзами, ибо, это ведь очевидно, у всех у них есть одна общая равнодействующая прямая, которая ведет к Одному и Тому же Великому Творцу, к одному и тому же небу. Важно, чтобы люди поняли друг друга, ибо понятое всегда будет объяснено, а это же последнее примиряет» [23,15].

Как мыслитель, впитавший европейские идеалы прогресса, свободы,

равенства, культ разума, он задается целью доказать, что и исламу не чужды цели социального и культурного развития, ценности человеческого достоинства. Все эти общечеловеческие идеалы таятся в его духовном ядре. В книге освещается ранняя история ислама, роль пророка Мухаммеда и его сподвижников, дается характеристика ислама как религиозной системы, его догматики, основных направлений и сект, и, наконец, в последней части уделяется внимание арабо-мусульманской культуре периода ее расцвета, оценивается ее вклад в развитие общечеловеческой цивилизации. «Трудно даже сказать, что было бы с культурными достоинствами древней Персии, Египта, Греции и Рима, если бы им на смену в мировой великодержавности не явились арабы, с их блестящими халифатами» [23, 88]. Во всей этой великолепной культурной деятельности автор подчеркивает роль арабов – «живая арабская мысль коснулась всех наук» [23, 109].

Габиев подчеркивает пиетет ислама перед наукой, знанием. «Вера – нага, одежда ее – благочестие, красота ее – совесть, а наука – ее плоды», – приводит просветитель известный хадис. Однако, начиная с XIV в., мир ислама погружается в глубокий застой и стагнацию, причины которого не только в многочисленных варварских нашествиях позднего Средневековья и погромах мусульманских культурных центров, но и запреты на свободную мысль, сковывавшие любую духовную инициативу. Но, по глубокому убеждению просветителя, время застоя и неподвижности в истории ислама подходит к концу. «Мне думается, – пишет автор, – что мусульманство еще не отжило свое, и что оно находится еще в стадии броже-

ния» [23, 104]. И хотя в начале XX века большинство мусульманских стран еще пребывало в статусе колоний, Габиев не сомневался в их будущей независимости. «Ислам и арабо-мусульмане дали, в свое время, всему миру большое культурное достояние. И если исторические события свели их с арены работы в развитии лучшей цивилизации, то это только что-то временное. Это лишь один из исторических этапов, переживаемых всеми народами» [23, 111]. Богатство и стойкость исламской традиции, жизненная сила самих арабских народов – «является полной гарантией их возрождения, а вслед за ними и всех мусульман» [23, 111].

И, наконец, можно еще остановиться на фигуре Ахмеда Тембулатовича Цаликова, осетинского писателя, публициста, общественно-политического деятеля, одного из руководителей движения мусульман России начала XX в. Не только своими интеллектуальными штудиями, но и деятельностью политика он искал желанный симбиоз культуры Запада и Востока, пытаясь осмыслить проблему возрождения мусульманских народов через призму вершинного проявления общественно-политической мысли Европы – марксизма.

Совсем молодым человеком, в студенческие годы он был вовлечен в социал-демократическое движение, много читал соответствующей партийной литературы, самообразовывался; в эти же годы приходит интерес к исламу, к культуре мусульманства, к укладу жизни горских народов. Все это вылилось не только в замечательные литературные опыты, но и в блестящую публицистику [24]. Его известная книга «Кавказ и Поволжье» – это обобщение авторской публицистики, анализ колониза-

ционной политики России на Северном Кавказе, ее драматических последствий для горских обществ, болезненной ломки местной традиционности железным лемехом капитала и рынка. В этой же книге впервые ставятся культурно-конфессиональные проблемы мусульман Северного Кавказа, необходимость становления новометодного образования, административные проблемы управления мусульманской уммой региона [25].

После первой русской революции А. Цаликов с головой ушел в партийную работу, «координировал деятельность Терско-Дагестанского и Северо-Кавказского союзов РСДРП, Владикавказского, Кубанского и Армавирского комитетов РСДРП. Пропагандировал идеи национального возрождения мусульман» [26, 418]. Был членом бюро при мусульманской фракции 4-й Государственной Думы.

В 1917 г., после Февральской революции, Цаликов возглавил Всероссийский мусульманский Совет (Милли Шуро). Как лидер мусульман России выступил на Всероссийском мусульманском съезде (1–11 мая 1917 г.) с программной речью. «Возрождение народов Ислама, – говорил он, – вот та величественная картина, которая разворачивается перед нами, полная глубокого, захватывающего смысла... Если костер свободы ярко пылает в России, нужно, чтобы искры его широко раскинулись по всему необъятному мусульманскому миру» [26, 8, 25].

Выступая на Всероссийском демократическом совещании в Петрограде (14–22 сентября 1917 г.), где входил в состав президиума от мусульман, он указывал, что когда упоминается Всероссийский мусульманский совет, «большинство русских граждан думает,

что здесь объединение на религиозной почве, они думают, что мусульманство противопоставляется христианству». В действительности, – объяснял Цаликов, – «под мусульманством мы подразумеваем ту великую историческую культуру, которая вписала славные страницы в историю всей человеческой культуры... Мы хотим, оставаясь на почве древней культуры, приобщиться к современной культуре великих завоеваний человечества. Мы хотим идти своим собственным путем к великим общечеловеческим целям» [28, 195].

После Октябрьской революции Цаликов власть большевистских Советов не принял, сотрудничать с органами новой власти отказался и после роспуска Милли Шуро 22 мая 1918 г. вернулся на Северный Кавказ. Его политическая позиция базировалась на убеждении, что идеи классовой борьбы, диктатуры пролетариата, углубляющегося гражданского конфликта, непосредственно внесенные в мусульманскую среду, для этой среды чрезвычайно разрушительны. Перед российским мусульманством стоят задачи цивилизационно-конфессионального возрождения, обретения подлинной идентичности, просвещения и демократизации. Только на базе широкой демократизации общества и культурного строительства мусульманские массы сомкнутся с рабоче-крестьянским движением, с его требованиями.

На V съезде трудовых народов Терской области А. Цаликов, будучи председателем Терского областного Народного Совета, выступил 30 ноября с обширной речью, где в частности сказал: «Я стремился связать Восток с Западом, я говорил, что в революции здесь, в Европе, залог освобождения Востока...

Любя Европу, которая дала мне свет знаний, я всегда хотел, чтобы эти знания были принесены и туда, на Восток» [29, 156, 182]. Гордо называя себя «мусульманским социалистом-интернационалистом», он настаивал: «В борьбе за русскую революцию я отдал лучшие годы российскому пролетариату. В последние годы я встретил загадочный мир Востока. Я хотел понести идеи революции туда. Я хотел взять луч света и понести темным массам Востока. Правильно это или нет, но я думал, что здесь новые оттенки, и я назвал это мусульманским оттенком» [29, 202]. При прямолинейном перенесении в мусульманский пробуждающийся мир марксистских догм, считал он, можно только усугубить пропасть между Востоком и Европой, погубить дело революции. «Я знаю горскую среду, пребывающую в первобытном состоянии, и я говорю, что те, кто утверждает, что коммунизм возможен у нас, они или политические обманщики, или их надо посадить в сумасшедший дом. Коммунизм должен базироваться на объективном положении вещей, но надо подвести под Советскую власть прочный фундамент, чтобы спасти ее от грозной опасности. И горская масса должна быть этим фундаментом» [29, 202].

Однако перипетии политической борьбы оказались столь сложными, что привели общественную позицию Цаликова к драматическому концу. В 1918 г. Ахмед Цаликов вынужден был уехать в Тифлис, где возглавил Меджлис горских народов. В 1921 г., после установле-

ния советской власти в Грузии, Цаликов эмигрировал сначала в Константинополь, затем в Чехословакию и Польшу.

Судьбы деятелей исламского (мусульманского) модернизма в советское время сложились по-разному. Кто-то принял коммунистическую идеологию и даже стал строителем национальной советской государственности (как С. Габиев), кто-то ушел в эмиграцию. Но большинство погибли в 1930-е гг, в ходе Большого террора. Исламский модернизм не только не сочетался с атеистической линией советского государства, но был конкурирующей идеологией, которая подлежала уничтожению. Хотя в других регионах мусульманского мира в XX в. его развитие продолжалось, дав ряд выдающихся деятелей исламской культуры и породив интересные идейные феномены, например, евроислам.

Присутствие идей исламского модернизма в палитре общественно-политической мысли на Северном Кавказе свидетельствует о том, что интеллектуальная культура горских народов также формировала свой ответ на вызов европейской модерности. Мечты мусульманских модернистов о самостоятельной реформации, к сожалению, не реализовались. Однако их попытки выстроить диалог между исламом и модерностью есть факт истории, свидетельствующий о том, что северокавказское мусульманство рубежа XIX и XX вв. – это не только традиционность, ему также принадлежала современность, Новое время.

1. Айларова С.А. О труде Алексия Гатуева «Христианство в Осетии» // Известия СОИГСИ. 2022. Вып. 44 (83). С. 34-54.
2. Айларова С.А. Образы модернизации: о творчестве Сослана (Вано) Темирханова // Известия СОИГСИ. 2022. Вып. 46 (85). С. 61-71.
3. Черевков О.С. Исламский модернизм в России: зарождение, особенности и возможные перспективы дальнейшего развития // Россия и мусульманский мир. 2021. № 2. С. 5-17.
4. Мартыненко А.В. Основные тенденции развития интеллектуальной культуры ислама в Новое и Новейшее время // Genesis: исторические исследования. 2012. № 1. С. 168-211.
5. Озджан А. Проект исламского модернизма в философско-религиозном учении Дж. Афгани // Труды БГТУ. Сер. 6. История, философия. 2023. № 2 (275). С. 98-102.
6. Степаняц М.Т. Ислам в философской и общественной мысли зарубежного Востока (XIX–XX вв.). М.: Наука, 1974. 190 с.
7. Левин З.И. Развитие общественной мысли на Востоке. Колониальный период (XIX – XX вв.). М.: Наука, 1993. 245 с.
8. Байрамов Э.З. Великий просветитель российских мусульман Исмаил Гаспринский. М.: Экслибрис-Пресс, 2001. 135 с.
9. Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения // Ислам в Российской империи. Законодательные акты, описания, статистика / Под ред. Д.Ю. Арапова. М.: Академкнига, 2001. С. 335-343.
10. Ислам в Евразии. Современные этические и эстетические концепции суннитского ислама, их трансформация в массовом сознании и выражение в искусстве мусульманских народов России / Под ред. М.В. Иордана. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 516 с.
11. Гафаров А.А. Российские мусульмане в контексте общеисламской модернизации (XIX – начало XX вв.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014. 564 с.
12. Набиев Р.А., Гафаров А.А. Проблемы религиозной толерантности в трудах мусульманских модернистов во второй половине XIX – начале XX в. // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. Кн. 3. С. 120-130.
13. Ренан Э. Ислам и наука: Речь, произнесенная Эрнестом Ренаном в собрании «Научной французской ассоциации» (основанной в 1861 г. Леверье), бывшем 29 марта в большом Сорбонском амфитеатре. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1883. 25 с.
14. Гафаров А.А., Набиев Р.А. Модернистский дискурс в трудах А.Баязитова (80–90-е годы XIX века) // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. Кн. 3. С. 85-93.
15. Баязитов А. Возражение на речь Эрнеста Ренана «Ислам и наука». СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1883. 38 с.
16. Баязитов А. Ислам и прогресс. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1898. 95 с.

17. Зайцева Н.С. Прогрессивные взгляды исламского просвещения на Северо-Западном Кавказе в начале XX века // Молодой ученый. 2016. № 9 (113). С. 925-927.
18. Хашхожева Р.Х. Из истории адыгской публицистики (вторая половина XIX – начало XX века // Адыгская публицистика конца XIX – начала XX века (Избранное) / Сост. Р.Х. Хашхожева. Нальчик: Эль-Фа, 2005. С. 3-30.
19. Хаджетлаше М.-Б. Мысли о будущем // Адыгская публицистика конца XIX – начала XX века (Избранное) / Сост. Р.Х. Хашхожева. Нальчик: Эль-Фа, 2005. С. 277-279.
20. Хаджетлаше М.-Б. О нашем духовенстве // Адыгская публицистика конца XIX – начала XX века (Избранное) / Сост. Р.Х. Хашхожева. Нальчик: Эль-Фа, 2005. С. 274-275.
21. Хаджетлаше М.-Б. По поводу статьи Луи Бертрана об исламе в «Revue des deux mondes» // Адыгская публицистика конца XIX – начала XX века (Избранное) / Сост. Р.Х. Хашхожева. Нальчик: Эль-Фа, 2005. С. 287-291.
22. Абдуллаев М.А. Общественно-политическая мысль в Дагестане в начале XX в. М.: Наука, 1987. 326 с.
23. Габиев С.И. Арабы, Ислам и арабо-мусульманская культура: краткий исторический очерк. Петроград: Авт. изд., 1915. 115 с.
24. Ахмед Цаликов. Избранное / Сост. В.Д. Таказов и Т.Т. Техов. Владикавказ: Ир, 2002. 544 с.
25. Цаликов А. Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта. М: Издание М. Мухтарова, 1913. 185 с.
26. Салагаева З.М. Ахмед Цаликов // Ахмед Цаликов. Избранное / Сост. В.Д. Таказов и Т.Т. Техов. Владикавказ: Ир, 2002. С. 417-502.
27. Цаликов Ахмед. Мусульмане России и федерация: Речи, произнес. на Всероссийском мусульманском съезде в Москве 1-11 мая 1917 г. Петроград: Заря Востока, 1917. 32 с.
28. Исхаков С.М. Меньшевик А. Цаликов об отношении российских мусульман к Первой мировой войне. 1917 г. // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2014. Вып. 2. С. 184-200.
29. Съезды народов Терека. 1918 г. Сборник документов и материалов в 2-х т. Орджоникидзе: Ир, 1978. Т. 2. 279 с.

Ailarova, Svetlana A. – V. I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); aylarova54@mail.ru

ISLAM AND MODERNITY: GLOBAL, RUSSIAN AND NORTH CAUCASIAN MANIFESTATIONS (LATE XIX – EARLY XX CENTURY).

The problem of the article lies in the course of studying the interaction between the culture of European Modernity and the confessional traditions of the mountain peoples, and their understanding in North Caucasian public thought. The author focuses on the Russian

and North Caucasian manifestations of such a world historical and cultural movement as Islamic modernism of the XIX - XX century. In the space of this discourse, the Muslim intelligentsia of the North Caucasus at the beginning of the 20th century was able to enter into an equal dialogue with the intellectual community of Europe and Russia and formulate their vision of the future of the peoples of the region. Modernist tendencies were especially pronounced in education (Jadidism) and the press. The magazine "Muslim" (published by the Adyghe educator M.-B.Khadzhetlashe), the newspapers "Dawn of Dagestan" and "Muslim Newspaper" (published by the Dagestani educator S.Gabiev) actively popularized the Jadidist educational program, spread modernist ideas, and nurtured new adherents of the renewal and reformation of Islam in the depths of the Muslim society of Russia. In S. Gabiev's book "Arabs, Islam and Arab-Muslim Culture", the author introduces the Russian reader to Muslim history and culture, debunks negative stereotypes about Islam that are ingrained in the public consciousness. Tsalikov, an Ossetian writer, publicist, politician, one of the leaders of the Russian Muslim movement, sought a symbiosis of the culture of the West and the East with his intellectual studies and the activities of a politician, comprehending the revival of Muslim peoples through the peak manifestation of European political thought - Marxism. The desire of the North Caucasian intelligentsia to build a dialogue between Islam and modernity is part of the intellectual history of Muslim peoples in the 20th century.

Keywords: Islamic modernism, Jadidism, religious reformation, Muslim press, M.-B.Khadzhetlashe, S.Gabiev, A.Tsalikov.

For citation: Ailarova, S.A. Islam and Modernity: global, Russian and North Caucasian manifestations (late XIX – early XX century) // *Izvestiya SOIGSI*. 2024. Iss. 53 (92). Pp.26-42. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2024.92.53.013

References

1. Ailarova, S.A. *O trude Aleksiya Gatueva "Khristianstvo v Osetii"* [About Alexiy Gatuev's work "Christianity in Ossetia"]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2022, iss. 44 (83), pp. 34-54.
2. Ailarova, S.A. *Obrazy modernizatsii: o tvorchestve Soslana (Vano) Temirkhanova* [Images of modernization: on the works by Soslan (Vano) Temirkhanov]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2022, iss. 46 (85), pp. 61-71.
3. Cherevkov, O.S. *Islamskii modernizm v Rossii: zarozhdenie, osobennosti i vozmozhnye perspektivy dal'neishego razvitiya* [Islamic modernism in Russia: origin, features and possible prospects for further development]. *Rossiya i musul'manskii mir* [Russia and the Muslim world]. 2021, no. 2, pp. 5-17.
4. Martynenko, A.V. *Osnovnye tendentsii razvitiya intellektual'noi kul'tury islama v Novoe i Noveishee vremya* [The main trends in the development of the intellectual culture of Islam in the New and Modern Times]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya* [Genesis: historical research]. 2012, no. 1, pp. 168-211.
5. Ozcan, A. *Proekt islamskogo modernizma v filosofsko-religioznom uchenii Dzh. Afghani* [Project of Islamic modernism in the philosophical and religious teachings of J. Afghani]. *Trudy BGTU. Ser. 6. Istoriya, filosofiya* [Proceedings of BSTU. Ser. 6. History, philosophy]. 2023, no. 2 (275), pp. 98-102.

6. Stepanyants, M.T. *Islam v filosofskoi i obshchestvennoi mysli zarubezhnogo Vostoka (XIX–XX vv.)* [Islam in the philosophical and social thought of the foreign East (XIX – XX centuries)]. Moscow, Nauka, 1974. 190 p.
7. Levin, Z.I. *Razvitie obshchestvennoi mysli na Vostoke. Kolonial'nyi period (XIX–XX vv.)* [Development of social thought in the East. Colonial period (XIX – XX centuries)]. Moscow, Nauka, 1993. 245 p.
8. Bairamov, E.Z. *Velikii prosvetitel' rossiiskikh musul'man Ismail Gasprinskii* [The great educator of Russian Muslims Ismail Gasprinsky]. Moscow, Ekslibris-Press, 2001. 135 p.
9. Gasprinsky, I. *Russkoe musul'manstvo. Mysli, zametki i nablyudeniya* [Russian Islam. Thoughts, notes and observations]. *Islam v Rossiiskoi imperii. Zakonodatel'nye akty, opisaniya, statistika* [Islam in the Russian Empire. Legislative acts, descriptions, statistics. Ed. D.Yu. Arapov]. Moscow, Akademkniga, 2001, pp. 335-343.
10. *Islam v Evrazii. Sovremennye eticheskie i esteticheskie kontseptsii sunnitskogo islama, ikh transformatsiya v massovom soznanii i vyrazhenie v iskusstve musul'manskikh narodov Rossii* [Islam in Eurasia. Modern ethical and aesthetic concepts of Sunni Islam, their transformation in the mass consciousness and expression in the art of the Muslim peoples of Russia. Ed. M.V. Jordan]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2001. 516 p.
11. Gafarov, A.A. *Rossiiskie musul'mane v kontekste obshcheislamskoi modernizatsii (XIX – nachalo XX vv.)* [Russian Muslims in the context of pan-Islamic modernization (19th – early 20th centuries)]. Kazan, Izd-vo Kazan. un-ta, 2014. 564 p.
12. Nabiev, R.A., Gafarov, A.A. *Problemy religioznoi tolerantnosti v trudakh musul'manskikh modernistov vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [Problems of religious tolerance in the works of Muslim modernists in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Scientific notes of Kazan University. Humanities]. 2011, vol. 153, book 3, pp. 120-130.
13. Renan, E. *Islam i nauka: Rech', proiznesennaya Ernestom Renanom v sobranii "Nauchnoi frantsuzskoi assotsiatsii" (osnovannoi v 1861 g. Lever'e), byvshem 29 marta v bol'shom Sorbonskom amfiteatre* [Islam and science: Speech delivered by Ernest Renan at the meeting of the "Scientific French Association" (founded in 1861 by Leverrier), held on March 29 in the large Sorbonne amphitheater]. St. Petersburg, Tip. M.M. Stasyulevicha, 1883. 25 p.
14. Gafarov, A.A., Nabiev, R.A. *Modernistskii diskurs v trudakh A.Bayazitova (80–90-e gody XIX veka)* [Modernist discourse in the works of A. Bayazitov (80-90s of the XIX century)]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Scientific notes of Kazan University. Humanities]. 2014, vol. 156, book 3, pp. 85-93.
15. Bayazitov, A. *Vozrazhenie na rech' Ernesta Renana "Islam i nauka"* [Objection to Ernest Renan's speech "Islam and Science"]. St. Petersburg, Tip. A.S. Suvorina, 1883. 38 p.
16. Bayazitov, A. *Islam i progress* [Islam and progress]. St. Petersburg, Tip. A.S. Suvorina, 1898. 95 p.
17. Zaitseva, N.S. *Progressivnye vzglyady islamskogo prosveshcheniya na Severo-Zapadnom Kavkaze v nachale XX veka* [Progressive views of Islamic education in the North-West Caucasus at the beginning of the 20th century]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist]. 2016, no. 9 (113), pp. 925-927.

18. Khashkhozheva, R.Kh. *Iz istorii adygskoi publitsistiki (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [From the history of Adyghe journalism (second half of the 19th – early 20th century)]. *Adygskaya publitsistika kontsa XIX – nachala XX veka (Izbrannoe)* [Adyghe journalism of the late 19th – early 20th century (Selected)]. Nalchik, El'-Fa, 2005, pp. 3-30.
19. Hadzhetlashe, M.-B. *Mysli o budushchem* [Thoughts about the future]. *Adygskaya publitsistika kontsa XIX – nachala XX veka (Izbrannoe)* [Adyghe journalism of the late 19th – early 20th century (Selected)]. Nalchik, El'-Fa, 2005, pp. 277-279.
20. Hadzhetlashe, M.-B. *O nashem dukhovenstve* [About our clergy]. *Adygskaya publitsistika kontsa XIX – nachala XX veka (Izbrannoe)* [Adyghe journalism of the late 19th – early 20th century (Selected)]. Nalchik, El'-Fa, 2005, pp. 274-275.
21. Hadzhetlashe M.-B. *Po povodu stat'i Lui Bertrana ob islame v "Revie des deux mondes"* [Adyghe journalism of the late 19th – early 20th century (Selected)]. Nalchik, El'-Fa, 2005, pp. 287-291.
22. Abdullaev, M.A. *Obshchestvenno-politicheskaya mysl' v Dagestane v nachale XX v.* [Socio-political Thought in Dagestan at the Beginning of the 20th century]. Moscow, Nauka, 1987. 326 p.
23. Gabiev, S.I. *Araby, Islam i arabo-musul'manskaya kul'tura: kratkii istoricheskii ocherk* [Arabs, Islam, and Arab-Muslim Culture: A Brief Historical Essay]. Petrograd, 1915. 115 p.
24. Takazov, V.D., Tekhov, T.T. (comps). *Akhmed Tsalikov. Izbrannoe* [Akhmed Tsalikov. Selected]. Vladikavkaz, Ir, 2002. 544 p.
25. Tsalikov, A. *Kavkaz i Povolzh'e. Ocherki inorodcheskoi politiki i kul'turno-khozyaistvennogo byta* [The Caucasus and the Volga Region. Essays on Foreign Policy and Cultural-Economic Life]. Moscow, Izdanie M. Mukhtarova, 1913. 185 p.
26. Salagaeva, Z.M. *Akhmed Tsalikov* [Akhmed Tsalikov]. *Akhmed Tsalikov. Izbrannoe* [Akhmed Tsalikov. Selected]. Vladikavkaz, Ir, 2002, pp. 417-502.
27. Tsalikov, Akhmed. *Musul'mane Rossii i federatsiya: Rechi, proiznes. na Vseros. musul'manskom s'ezde v Moskve 1-11 maya 1917 g.* [Muslims of Russia and the Federation: Speeches Delivered at the All-Russian Muslim Congress in Moscow on May 1-11, 1917]. Petrograd, Zarya Vostoka, 1917. 32 p.
28. Iskhakov, S.M. *Menshevik A. Tsalikov ob otnoshenii rossiiskikh musul'man k Pervoi mirovoi voine. 1917 g.* [Menshevik A. Tsalikov on the attitude of Russian Muslims to the First World War. 1917]. *XX vek i Rossiya: obshchestvo, reformy, revolyutsii* [XX century and Russia: society, reforms, revolutions]. 2014, vyp. 2, pp. 184-200.
29. *S'ezdy narodov Tereka. 1918 g. Sbornik dokumentov i materialov v 2-kh t.* [Congresses of the peoples of Terek. 1918. Collection of documents and materials in 2 vols]. Ordzhonikidze, Ir, 1978, vol. 2. 279 p.